

ПОГРАНИЧНАЯ
РЕАЛЬНОСТЬ

ЧАРЛЬЗ ДЕ ЛИНТ

ВЕТЕР В ЕГО СЕРДЦЕ

АРКАДИЯ

Санкт-Петербург
2019

УДК 821(71)
ББК 84(7)
Л59

Charles de Lint
THE WIND IN HIS HEART

Перевод с английского
Денис Попов

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Художник
Ольга Исаева

Линт Ч. де

Л59 Ветер в его сердце: [роман] / Чарльз де Линт; [пер. с англ. Д. Попова]. — СПб.: Аркадия, 2019. — 736 с. — (Серия «Пограничная реальность»).

ISBN 978-5-906986-85-6

Горы Йерро-Мадерас — удивительное место: именно здесь, в резервации индейцев кикими, наш привычный мир встречается с таинственным миром грез. И потому те, кто оказался в каньоне Расписное Облако, попали туда не случайно. Всем им — и будущему шаману Томасу, мечтающему сбежать из резервации, и бывшей рок-звезде, а ныне отшельнику Джексону Коулу, и злобной девчонке-подростку Сэди, и успешной блогерше Лие Хардин, терзаемой чувством вины из-за смерти подруги — нужно научиться жить в согласии с миром и с собой. Правда, сделать это будет очень сложно...

Долгожданный новый роман признанного мифотворца современности Чарльза де Линта — эпическое полотно с тонкой прорисовкой характеров многочисленных героев.

УДК 821(71)

ББК 84(7)

ISBN 978-5-906986-85-6

© Charles de Lint, 2017
© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.
ООО «Издательство Аркадия», 2019

*Мэри Энн и нашему
песику Джонни*

Почти все имеющее значение —
вызов, а значение имеет все.

Райнер Мария Рильке

Чтобы увидеть некоторые вещи,
сначала в них нужно поверить.

Мадлен Л'Энгл

Я иду, иду туда,
Где призракам меня не найти.
Верю, где-то там есть место,
Где свободным стану я.

*Стив Эрл, «Туда
(Песня Джонатана)»*

Девчонка на обочине

1. Томас Кукурузные Глаза

В те дни опунциевые братцы день-деньской око-лачивались подле фактории Маленького Дерева, по большей части подремывая на палящем солнце, но видя и слыша все, что творится между старенькой глинобитной постройкой и двухполосной дорогой, отходящей от магистрали в резервацию. Самих-то их никто не видел — по крайней мере, такими, какие они на самом деле. Ну кому интересна кучка кактусов, сгрудившихся под той или другой гигантской карнегией? Правда, на следующее утро опунции редко оказывались на прежнем месте, да кто на это обращает внимание? Разве только Томас Кукурузные Глаза. Он работал в фактории и, поутру прибывая в лавку, сразу отмечал новое местоположение кактусов.

В семье Томаса никто не мог похвастаться глазами цвета кукурузы — ни ярко-зелеными, как у вытягивающихся в самом разгаре лета листьев, ни желтыми, как у зрелых зернышек. А называться так родные Томаса стали, когда федеральное правительство потребовало, чтобы все без исключения индейцы обзавелись

фамилиями. В резервации к предписанию подошли с юмором и напридумывали имен, показавшихся белым исполненными сакрального смысла — Джонни Тыквенная Мать, Агнес Белая Лань, Роберт Близнецовые Собаки...

В общем, глаза у Томаса, как и у любого индейца его племени, были карие. Отличие же заключалось в том, что он обладал способностью заглядывать в невидимый мир духов несколько глубже, нежели большинство людей, только распространяться на сей счет всячески избегал. Уж очень ему не хотелось привлечь к себе внимание шамана, Рамона Морагу. Десять лет кряду Морагу подыскивал себе преемника, но попасть ему в ученичество Томас желал меньше всего на свете. Нет, он ничуть не стыдился традиций и обычаев своего племени, кикими¹, и даже считал себя духовной личностью, но не собирался — а ему только исполнилось восемнадцать — провести всю свою жизнь в резервации, организовывая потогоны. И его совершенно не прельщала идея десятилетиями изготавливать мешочки-амулеты для Тетушек, проводить обряды для псовых братьев Рувима и заниматься тысячью разнообразных дел, которым посвящает себя шаман.

Тем не менее, хотел Томас того или нет, мир духов был ему открыт, и духи это знали.

***

Томас как раз следил через окно за кактусами, пытаясь уловить перемещение одной из опунций, когда на стоянку влетел длиннющий черный кадиллак — 1956 или 57 года выпуска, — подлинная классика, да

---

¹ Вымысел автора, так же как и слова из языка этого племени. (Здесь и далее примечания переводчика.)

еще в безупречном состоянии. Его черный цвет с отливом был таким насыщенным, что казалось, машина поглощает солнечный свет. И на кузове ни пылинки, что, учитывая состояние здешних дорог, можно было объяснить лишь чудом. Водителя скрывали тонированные стекла, но, блин, за рулем такой тачки место только королю мира!

Дверца отворилась — парень машинально выпрямился за прилавком, — и наружу выбралась потрясающая женщина. Немолодая. Томас, впрочем, не смог бы объяснить, почему он так решил. Ее точеное лицо светилось юностью, а двигалась она с легкостью и изяществом танцовщицы. Высокая, что подчеркивала худоба — не анорексичная, а как у неоформившегося жеребенка, — с густыми черными, блестящими, прямо как отполированный кузов автомобиля, волосами... Томас рассудил, что женщина, наверное, модель или даже актриса, но вообразить, что ей понадобилось в такой дыре, так и не сумел. Впрочем, она смахивала на представительницу коренного народа — не кикими, но точно индианку. А затем парень уловил мерцание ауры незнакомки — над ее плечами мелькнул призрачный образ головы ворона — и решил, что та направляется в резервацию на встречу с Морагу или с Тетками.

А женщина посмотрела в сторону фактории, заметила, как тарашится на нее Томас, и улыбнулась. Парень торопливо отвел глаза, заливаясь краской. Хваленая невозмутимость растаяла без следа.

Фактория — старинный сельский магазинчик с полками, забитыми всякой всячиной начиная от бакалеи и туалетных принадлежностей и заканчивая одеждой и инструментами. Возле глинобитной стенки стоит чугунная печка, вокруг которой ближе

к вечеру рассаживались дружки Рувима и за чаем или кофе обменивались свежими сплетнями. Пожалуй, внутри лавки эта незнакомка, в ее-то обтягивающих фирменных джинсах, босоножках на ремешках да топике, наверняка стоившем больше всего гардероба Томаса, могла выглядеть только неуместно, а вот поди ж ты!..

Цветом ее кожа походила на затененный красный песчаник местных каньонов, а глаза были такими темными, что, казалось, радужку напрочь скрывают огромные зрачки. *Глаза*, понял вдруг Томас — вот из-за них-то он и счел ее старухой.

Впрочем, как ни странно, женщина смотрелась в фактории так же естественно, как, вероятно, на подиуме или в модном ресторане. И удивительное дело, ее ауре не сиделось спокойно на точеных плечах — нет, она, словно обладая собственным сознанием, озиралась по сторонам. Подобного Томас отродясь не видывал. А уж в аурах-то он разбирался, и его осведомленность происходила непосредственно из врожденной способности заглядывать в мир духов. Аурой, как известно, обладает лишь тот, в ком течет кровь майнаво. Кто наравне с человеческим духом носит в себе и звериный. Но Томасу никогда прежде не встречалась аура, которая вела бы себя столь самостоятельно.

— Ойла, — произнес Томас. — Добро пожаловать в Расписные земли.

Женщина улыбнулась и указала на холодильник в дальнем конце стойки.

— У вас есть кола в бутылках?

— Да, мэм.

Ответ как будто позабавил женщину, и Томас ощутил, как из-под воротника его рубашки расползается

румянец. Чтобы скрыть смущение, он прошел к холодильнику, извлек из ледяной воды бутылку, вытер ее махровым полотенцем и открыл крышечку. Потом вернулся за прилавок и поставил колу перед посетительницей.

— Сколько? — спросила она.

— Доллар.

Безукоризненно очерченные брови незнакомки взметнулись вверх.

— Народ у нас здесь не особенно зажиточный, — пожал плечами Томас. — И Рувиму, моему боссу, не по душе обдирать покупателей.

Женщина достала из переднего кармана джинсов двадцатку — странно, что для купюры там вообще нашлось место, — и протянула парню, бросив при этом:

— Сдачу оставь себе.

«Неужто по мне видно, что я нуждаюсь в подобной благотворительности?» — подумал Томас, однако в ответ кивнул и убрал банкноту в кассу. Уж такая женщина, несомненно, может позволить себе поднять доходы лавки Рувима.

— А за карту сколько?

— Резервации или заповедника?

— Я еду в казино.

А, ну куда же еще.

— Тогда вы ошиблись стороной резервации.

— Ошиблась? Хочешь сказать, у нее есть правильная и неправильная стороны?

— Вовсе нет. Впрочем, это зависит от того, с кем разговариваешь. Но сейчас я имею в виду, что вам нужна местность класса люкс, где располагается казино. Само-то оно дальше к югу, за перевалом Грифого хребта.

— Как-как?

— Это часть заповедника, которая делит нашу резервацию пополам. Вам нужно ехать на юг, пока не доберетесь до перевалочного пункта. Там куча указателей — даже карта не понадобится.

Затем Томас объяснил посетительнице, как вернуться в Хакинту на Захра-роуд, где и следует свернуть на юг, а дальше дорога сама к казино выведет. Женщина, впрочем, слушала вполуха, зато ее аура на протяжении объяснений не сводила с Томаса пристального взгляда. То явно была не простая аура — она запоминала наставления как для женщины, так и для себя самой. Парень сосредоточился на лице незнакомки, стараясь не обращать внимания на образ призрачной птицы.

— Просто не забудьте, что после перекрестка Захра-роуд в южном направлении называется Редондо-драйв.

— Запомню, спасибо.

Незнакомка двинулась к выходу, а ее воронова аура развернулась, продолжая смотреть на Томаса. На самом пороге женщина внезапно остановилась и тоже обернулась.

— Ты мне так помог, — заговорила она, — что я чувствую себя просто обязанной тоже указать тебе кое-какое направление.

Томас понятия не имел, о чем она толкует.

— Да все в порядке, — отозвался он. — Я прекрасно знаю, где нахожусь.

— Ты уверен?

— Я живу здесь с самого рождения, — пожал плечами парень.

— Но знаешь ли ты, кто ты такой? — не унималась незнакомка.

На протяжении диалога призрачный ворон словно прислушивался, склонив голову набок. Ничего по-

добного Томас в жизни не видывал. Равно как и женщин вроде той, что стояла сейчас в дверях фактории. Она могла сойти прямо со страницы модного журнала или с экрана так же запросто, как пару минут назад выбралась из своего длинного черного кадиллака.

— Да вряд ли это имеет хоть какое-то значение, — ответил Томас.

— Пожалуй, ничего печальнее я за сегодня не слышала, — изрекла женщина.

«Потому что ты живешь с другой стороны резервации», — подумал Томас, однако всего лишь вежливо пожал плечами.

— Для тебя это должно иметь значение, — настаивала посетительница. — Ты должен узнать, кто ты такой. Узнать со всей основательностью.

— ...сказала женщина в фирменных шмотках по дороге в казино на коллекционном кадиллаке, — все-таки не удержавшись, брякнул парень.

Какое-то время незнакомка молча буравила его своими темными как ночь глазами.

— Не суди о вещах по их виду, — наконец ответила она.

А потом дверь за ней закрылась.

Томас следил из окна, как она возвращается к машине. Незнакомка ни разу не обернулась, но воронова аура не сводила с него глаз, пока вместе с женщиной не скрылась за дверцей автомобиля.

Безумие какое-то.

Поднятая машиной пыль уже давно улеглась, а он все продолжал пялиться на опустевшую стоянку.

2. Стив Коул

Я стою лагерем на горном кряже над Захра-роуд — это шоссе идет вдоль подножия гор Йерро-Мадерас, — когда до меня доносится шум машины. Вплоть до сего момента ночь была само совершенство. Свежий прохладный воздух и почти полная луна, отбрасывающая длинные тени на пустыню внизу. В такую ночь запросто поверишь, что ты — единственный человек на всем белом свете. Только ты и пустыня. Ах, ну да, время от времени где-то вдаль воют койоты. Еще вот уже как с час на верхушке карнегии ухает сова, а едва ли не в шаге от меня в кустах шебуршит мышка. Но людей нет. Никаких тебе туристов. Никто не носится на квадроциклах. Даже не видно и не слышно кикими, подлинных хозяев этих краев.

Пока не появляется эта тачка.

Судя по звездам, полночь еще не настала. Я подхожу к обрыву и наблюдаю за светом фар, приближающимся на совершенно пустой двухполосной дороге.

В нескольких сотнях метров за моим лагерем автомобиль останавливается. Пассажирская дверца открывается, и кто-то вываливается на утрамбованную колесами землю обочины. Пожалуй, это женщина или девушка — с такой-то шевелюрой! — хотя я знал уйму парней, способных оспорить подобное наблюдение. Тем не менее движения фигуры вовсе не мужские.

Едва поднявшись на ноги, она бросается к машине, но дверца захлопывается. Водитель дает по газам, из-под колес летит щебень. Пару секунд фигурка бежит за автомобилем, но затем останавливается, поняв, что черта с два ей его догнать. Какое-то время она стоит с обреченно поникшими плечами. А потом опускается на землю и садится, обхватив колени руками.

Вновь доносятся завывания койотов, на этот раз ближе. Меня они несколько не беспокоят, а вот женщина внизу встревоженно вскидывает голову.

Койоты нападают крайне редко. Она этого не знает. А может, просто сообразительна, оттого и нервничает. Потому что, как ни крути, здесь, в пустыне, никому и никому доверять нельзя. Ни шипам, ни горам, ни зверям, ни людям. Пожалуй, более всего — людям.

Опоссум Джонс — старый отшельник, взявший меня под свое крыло еще в восьмидесятых, — вбил мне в голову правило номер один: не ввязывайся. Увидишь кого — развернись и топай себе дальше.

— У голодной пумы участия и то больше, — твердил он, по обыкновению растягивая слова.

Впрочем, наставления свои Опоссум изрекал, направляя мне ногу, после того как обнаружил меня на дне каньона, так что слова его я воспринял довольно скептически. Ведь до того момента мы ни разу не встречались. Вот только штука в том, что в большинстве случаев — хоть в горах, хоть в пустыне — он оказывался прав.

Но та девушка внизу могла попасть в беду. Не исключено, конечно, что она просто повздорила с дружком и тот уже возвращается. И если застанет меня со своей подружкой, достанет, скажем, дробовик да объяснит популярно разницу между дробью